

ИСКУССТВО
ДЕТЕКТИВА

ДЕТЕКТИВНЫЕ РОМАНЫ

ТАТЬЯНЫ ГАРМАШ-РОФФЕ

Тайна моего отражения

Шантаж от Версаче

Частный визит в Париж

Голая королева

Шалости нечистой силы

Ведьма для инквизитора

Роль грешницы на бис

Вечная молодость с аукциона

Ангел-телохранитель

Королевский сорняк

Мертвые воды Московского моря

Е.Б.Ж.

13 способов ненавидеть

Уйти нельзя остаться

Расколотый мир

Ведь я еще жива

Черное кружево, алый закат

Ягоды страсти, ягоды смерти

Вторая путеводная звезда

Золотые нити судьбы

Властитель женских душ

Укрыться в облаках

И нет мне прощения

Сердце не обманет, сердце не предаст

Силы небесные, силы земные

Легкое дыхание лжи

Завещание с того света

Светлый лик, темный след

Наука страсти нежной

Отрубить голову дракону

Разрыв небесного шаблона

Арка Купидона

Венец Фемиды

Альфонс-Ромео

**ТАТЬЯНА
ГАРМАШ-РОФФЕ**

ВЕНЕЦ
ФЕМИДЫ

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г20

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Я. Клыги*

Гармаш-Роффе, Татьяна Владимировна.

Г20 Венец Фемиды : [роман] / Татьяна Гармаш-Роффе. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-248015-7

Редкий случай — воедино сошлись два разных дела, которые одновременно расследовал частный сыщик Алексей Кисанов: похищение джазовой певицы Агаты Скворцовой и убийство двух бизнесменов.

Кис их нашел — и жертву, и убийцу. Он установил, кто похитил Агату и место, где ее держали. Он вычислил стрелка, совершившего двойное убийство, и сумел его выследить, надеясь предотвратить новое преступление. Однако впервые в его практике ситуация вышла из-под контроля.

Две истории, связанные между собой жутким событием в прошлом. Две судьбы, абсолютно непохожие друг на друга. И два разных финала!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248015-7

© Гармаш-Роффе Т.В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

О, зло людское! Как бы мне придумать
С тобой сразиться в страшном поединке,
Чтоб изрубить твои глухие корни,
Чтоб истребить твоё глухое семя,
Чтобы убить твоё глухое сердце...

Владимир Солоухин

...Зачем вся дева, раз есть колено.

Иосиф Бродский

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АГАТА

День первый

Я проснулась. Или очнулась?

Вокруг плотная тьма. Ночь?

Я лежу. Не на кровати — на чем-то твердом. То есть я не дома. Где?

Укус комара — это больно. Вот только не знала, что от него можно потерять сознание.

Или не от него? Но я помню: укус в шею — и сразу в глазах потемнело. Ноги начали подгибаться — и...

И? Что было потом? Не знаю.

Но я жива. Я все-таки пришла в себя.

Только в глазах еще темно. Так темно, что я не вижу даже очертаний своего тела.

Или его нет?

Или я не пришла в себя?

Или я ослепла?!

Но...

Но звуков тоже нет!

Ни голосов, ни житейского шума — того, что мы обычно слышим вокруг. Будто планета вымерла.

Или я с нее улетела. Куда-то далеко, где нет жизни.
В космос.

Где же я?!

Есть ли я хоть где-нибудь?

Кажется, будто в этой слепой черноте тело мое
растворилось...

Или я все же умерла?

Или хуже — меня закопали живой?!

Иначе почему я ничего не вижу? Ничего не
слышу?!

Мысли бились о черепную коробку, как внезапно оживший покойник о крышку гроба. Ужас сковал меня до такой степени, что я боялась пошевелиться: вдруг больше нечем шевелить? И от меня осталась только мятущаяся от страха душа, а тело куда-то делось?

Неожиданно мой слух различил звук. Тихий, едва уловимый — но это уже было счастье.

Звук моего дыхания.

Я дышала.

Значит, тело у меня есть. Я жива!

И я отважилась пошевелить руками. Удалось.

Потом подвигала ногами. Тоже получилось!

Так... Я жива, и тело меня слушается. И даже, кажется, нигде не болит. Значит, я не ударилась, когда падала.

Или я не падала?

Но ведь должна была упасть, когда потеряла сознание... Разве нет?

Неважно. Главное, я жива. И дышу. И слышу свое дыхание.

Теперь нужно проверить, на месте ли глаза.

Я поднесла руки к лицу, коснулась бровей, осторожно, робко переместила пальцы пониже...

Глаза на месте!

Значит, я не вижу оттого, что видеть нечего.

А нечего видеть — потому что вокруг густая чернота.

Я вдруг поняла: когда говорят «глаза привыкли к темноте» — это значит, что свет все-таки был. Хоть крошечная щелочка, пропускавшая хоть крошечный лучик. А без этого лучика можно без толку таращиться во тьму до конца жизни...

Телефон! Можно им посветить!

Где же он, мой телефон? Я пощупала карманы легкой куртки, которую надела утром, — пусто. Приподняв ягодицы, проверила карманы джинсов. Мобильного и там не нашлось. Может, он в сумке? У меня была с собой небольшая сумка, точнее холщовый рюкзачок, с которым я ездила повсюду: удобный, вместительный, немаркий.

Я поводила руками вокруг себя.

Ничего. Только твердая шершавая поверхность, на которой я лежала. Я ее легонько поскребла. Дерево. Деревянная кровать?

Что еще может быть деревянным?

Не гроб же, в самом деле...

Не гроб?!

Я медленно подняла над собой руки, деревенеющие от страха.

Они не...

Уф-ф-ф, они не уперлись ни во что. Надо мной был воздух.

Значит, я...

Надо сесть. Так будет лучше думать.

Хоть надо мной ничего не нависало, я все же предпочла резких движений не делать. Нащупав край лежака, я осторожно повернула к нему колени и опасливо спустила ноги, гадая, что ощутят мои ступни... Почему-то представлялся клубок змей, как в фильмах про поиск сокровищ. Хорошо, хоть кроссовки на мне!

Однако ноги повисли в пустоте. Получается, надо мной был воздух и подо мной был воздух. Что же это такое? Где я?

Несколько секунд я сидела неподвижно, стараясь справиться с паникой. Вопросы снова зароились в моем мозгу — бесполезные вопросы, поскольку на них не было и проблеска ответа. И я отмахнулась от них. Лучше сейчас заняться исследованием места моего пребывания...

Или правильное сказать — *заточения*?!

И снова паника взметнулась во мне, как полотнище флага на ветру.

Тсс, Агата, тихо, тихо. *«Давай без надрыва, девочка. Нервы надо держать под контролем»*, — часто говорила мне бабушка, и ее наука выручала меня уже не раз. Может, и теперь выручит... Главное, думать о другом. Продолжать исследовать местность, к примеру.

Я принялась вертеть головой, будто надеялась что-то разглядеть в этой адской черноте. Зато место укуса напомнило о себе легким жжением, и я потрогала шею. Да, небольшой бугорок на коже, похожий на укус комара... Но от него ведь сознание не теряют!

А от чего теряют?!

Стоп, стоп. Нервы под контролем, да, бабушка? Рассуждаем спокойно: я жива и у меня ничего не болит. Сознание можно потерять от удара по голове, в кино такое постоянно показывают. Хотя тогда бы голова болела. А еще можно потерять сознание от...

Вот не знаю. Голова и на месте, и не болит, только ничего умного в нее не приходит.

Ну и все, хватит гадать. Исследуем дальше.

Я принялась водить руками вокруг себя, пытаюсь определить контур лежака. Он оказался довольно узким, сантиметров семьдесят, может, восемьдесят. Но, главное, с его противоположного края тоже была пустота! Будто я висела в воздухе.

Я снова легла, на этот раз на живот, и медленно поползла вперед — то есть в ту сторону, где находилась моя голова, — ощупывая поверхность. И вдруг она закончилась, а за ней снова оказалась пустота! Божечки, я в космосе, что ли?! Дрейфую на узкой, как в плацкартном вагоне, полке в черном пустом пространстве?

Плацкартные вагоны я видела в кино. Бабушка мне рассказывала, что когда-то она с друзьями в таком вагоне до Черного моря добралась. В эко-

номклассе, как сказали бы сегодня... А у меня что, плацкарт в космосе?

Аккуратно развернувшись, я поползла в обратном направлении, с ужасом думая, что и за краем другого торца меня поджидает космическая бездна...

Жуть. Она меня действительно поджидала! С ума сойти. Как такое может быть? Невероятно. Нереально, невозможно.

Я перевернулась на спину и уставилась в темноту. В ней не начертились письмена с подсказкой, нет. Но на мой риторический вопрос мозг неожиданно выдал категорический ответ: **никак**. Не может такого быть, и всё!

Я снова легла на живот, подтянувшись, ухватившись за торец, и проползла подальше вперед...

И — ура! На некотором расстоянии начинался другой лежак! Тоже деревянный и примерно такой же ширины. По его краям шли вертикальные металлические рейки. Держась за них, я подтянулась поближе и принялась ощупывать поверхность лежака, решая, стоит ли туда перебираться...

Как вдруг мои пальцы наткнулись на что-то металлическое. Что-то небольшое... плоское... По форме похожее на банку... Неужели консервы? Я перебрала еще несколько банок разной формы, овальные и круглые. Если это не консервы, то даже не представляю что...

Подумав, я бросила одну вниз. Судя по звуку, космос оказался конечен. Банка приземлилась не так уж далеко внизу, глухо шмякнувшись об пол.

Что ж, можно делать первые выводы: это подвал или сарай, тут хранятся консервы.

И теперь тут хранюсь я. Не на плацкартной полке в космосе, а просто на полке. Как консервы. Одна большая консерва.

Почему?! Стало снова страшно от вопросов, загудевших пчелиным роем в моей голове. Ведь раз я в подвале, значит, кто-то меня сюда принес... Положил на полку... И запер... Зачем?

Нет, не буду об этом думать. Нужно заниматься делом: изучать помещение. Может, какая-нибудь дверь найдется... Должна ведь тут быть дверь?

Но сначала необходимо слезть с некосмической полки. Или спрыгнуть. Высота, как помогла установить банка консервов, невелика. Однако прыгать в черноту было страшно...

Я снова нащупала металлические рейки, ухватилась за них обеими руками: вроде бы крепкие... И решилась, ухнула вниз.

Рука моя все еще держалась за рейку на уровне подбородка — то есть высота оказалась меньше моего роста. Точно не космос.

Дотронувшись до ребра полки, на которой недавно лежала, я пошла вдоль нее, скользя пальцами по шершавой поверхности. За полкой с консервами оказалась третья с какими-то коробками. За ней четвертая, тоже забитая коробками и объемными пластиковыми пакетами. А дальше обнаружилась голая стена с шершавой штукатуркой... И вдруг

пальцы мои нырнули в пустоту. Я потеряла равновесие, переступила с ноги на ногу, чтобы не упасть, гадая, что это за пустота такая.

Раскинув руки в стороны, я осторожно водила ими в темноте, пока не определила: передо мной проем. За ним, наверное, другое помещение.

И что делать? Где-то ведь должна находиться входная дверь. Не в другую комнату, разумеется, а на улицу, на воздух, на волю. В общем, *выходная* дверь. Но где же? Тут или там? Идти в проем или сначала закончить осмотр в этой комнате?

Ха-ха, «осмотр». Это от слова «смотреть». Только смотри не смотри, все равно ни зги не увидишь.

Я не знала, что такое «зга», которую нельзя увидеть, но как-то было понятно без толкового словаря.

Короче, не осмотр тут получается, а ощуп. И я решила сначала закончить ощуп в первом помещении.

Без сюрпризов, противоположная стена тоже оказалась увешана полками с ящиками и коробками. Или не увешана, а уставлена? Стеллажи?

Да мне без разницы вообще-то. Интересно было другое: когда полки закончились, то в противоположном торце обнаружилась дверь. Металлическая.

Я подергала. Заперто.

Выход за ней? Но ее не открыть. Я в плену у Сиейн Бороды.

В самом деле, я никак не могла предположить, кто меня здесь запер. И зачем. В воображении мельтешили всякого рода маньяки, о которых я читала, а также вымогатели, требующие выкуп у родных. Но денег за меня просить не у кого, а маньяк уже давно бы меня убил. Или как минимум связал, пока я была без сознания и не могла сопротивляться...

Об этом лучше не думать. Лучше вернуться и проверить, что во второй комнате.

Скользя рукой по краю стеллажей, я вернулась к проему и ступила в соседнее помещение. Держась стены, принялась его обходить. Сначала я нащупала большой шкаф. Очень большой. Дверцы были и внизу, и на уровне моей груди, и выше, а в ширину секций оказалось аж пять. А дальше обнаружились машины. Две гладкие прямоугольные металлические конструкции. Стиральная и сушильная, решила я. Посудомоечная, по логике, находится на кухне, а не в подвале.

Образ подвала — сухого, обогреваемого — становился все четче. Во многих больших домах я видела: постирочная комната находится внизу. И, между прочим, входная дверь должна быть именно в этом помещении. Ведь никто не станет таскаться по подвалу с кипой белья. Нужно, чтобы машины стояли у входа...

Значит, он тут! И выход тоже, естественно!

Я было двинулась вперед, как легкое дуновение воздуха погладило меня по щеке. Если бы не оно, я бы, наверное, даже не заметила этот серый

прямоугольник. Темно-темно-серый, едва светлее черного.

Но все же светлее.

Там и есть выход, решила я. Мне туда!

Я уже почти достигла прямоугольника, осторожно перебирая ногами, как вдруг на темно-темно-сером фоне проступил черный-черный силуэт.

Большой.

Мужской.

И через секунду по глазам полоснул острым лезвием свет.

* * *

Дни стояли звонкие, яркие — осень уже на пороге, первые числа сентября. Лето, однако, не сдавалось: небо синее, облака белые, солнце горячее — все как положено по канону детского рисунка. Осень выдавала себя лишь деликатными мазками разноцветья в кронах да прохладцей, притаившейся в голубых тенях.

Сергей Громов, полковник УГРО, и Алексей Кисанов, частный детектив, пили пиво в саду «Эрмитаж». Любимое место рядом с Петровкой, 38 с тех еще времен, когда оба служили там операми. После ухода Алексея на вольные хлеба они не только остались друзьями, но и сотрудничали к обоюдной выгоде. Серега помогал частному детективу техническими и прочими средствами, которыми располагает полиция; Кис же (так про-

звали Алексея Кисанова друзья) частенько приносил практически раскрытые дела, где полковнику оставалось только расставить финальные точки, грамотно оформить и получить для своего отдела награды да премии.

— Захаркина застрелили первым. Он праздновал день рождения внука в саду своего загородного дома, — повествовал Серега, утирая пену с губ. — Ребенку всего год, но Захаркин собрал, помимо родни, человек шестьдесят гостей, взрослых и детей. На лужайке накрыли столы, живая музыка, воздушные шары, артисты, клоуны, все шумели и веселились. Никто ничего не видел, не слышал, не понял. Просто «деда» вдруг завалился в кресле набок. Гости бросились к нему, хотели поднять, но в груди у него обнаружилась большая дыра от огнестрела. А выходное отверстие и того больше.

— То есть карабин. Снайпер?

— Он самый, — кивнул Серега. — Стреляли с крыши одного из соседних домов, хозяева которого уехали в отпуск. Расстояние приличное, больше ста метров, так что наверняка с оптическим прицелом.

— А второй кто? — спросил Алексей, потерев щеку, нагретую по-летнему яростным солнцем.

— Клешков. Тоже крутой бизнесмен. Его особняк в другом районе Подмосковья, но способ убийства тот же: снайпер. Пока жена отдыхала на курорте, Клешков с подругой развлекался. На курорт его как бы дела не пустили — бизнес, он ведь такой.

И занимался Клешков *бизнесом* в собственном саду. Ну сад — это только название, скорее мини-парк. Возле бассейна обустроено что-то вроде зоны отдыха: и шезлонги тут, и душ, и большой обеденный стол под навесом, и мангал из камня. Музыка играла для пущей томности. И в самый интимный момент мужик вдруг рухнул: пулю словил. Ты же знаешь, это только в кино изображают аккуратную дырочку промеж бровей, а на самом деле у жертвы голова лопнула, как переспелый арбуз. Полюбовница оказалась вся в его крови и мозгах. Так голосила, что даже соседи слышали, хотя расстояние там от дома до дома будь здоров.

- Между первым и вторым убийством...
- Неделя.
- И метод одинаковый: снайперская винтовка.
- Одним выстрелом наповал.
- То есть профессионал. Вы поэтому два дела объединили?
- Не только, еще и пули оказались идентичны. Из одного оружия стреляли.

Алексей кивнул. Начало было достаточно интригующим, чтобы отвлечься от странностей, происходящих в его семье.

...Собственно, ничего особенного в семье не происходило. Просто любимая жена, Александра, последние дни вдруг стала необыкновенно задумчива. И нет, ему не показалось. Рассеянность в разговоре, ускользающий взгляд, некоторое недоуме-

ние в глазах — все это свидетельствовало о тайной работе мысли.

О чем размышляла Саша? Ему было невдомек, но спрашивать он не хотел. Не сейчас. Алексей считал, что нужно дать человеку время созреть, чтобы сформулировать свою проблему. Сначала для себя, а уж потом для близкого.

А он, Алексей, был близким. Ближе некуда.

Однако Саша молчала. Кис мучился, но тоже молчал. В уме перебирал множество вариантов, исправно гоня от себя каждый. И что Саша влюбилась в другого, и что у нее обнаружилась тяжелая болезнь, и что она беременна и не может решить, оставить ли ребенка... Чего он только не передумал! Впрочем, на больную Саша была не похожа: кожа, волосы светились здоровьем, как всегда. На беременную тоже: он помнил, когда она носила двойняшек, у нее сильно увеличилась грудь задолго до того, как увеличился живот. А сейчас она оставалась в своих обычных размерах. Тогда что? Неужто другой мужчина?

Нож в сердце.

Но Алексей уважал право любимой на размышление и давал ей время, чтобы принять решение. И уж тогда сказать о нем мужу.

Посему запутанное дело Сереги было весьма кстати, весьма. Отвлечься на несколько деньков, пока Александра созреет.

— Значит, киллер заранее подготовился к обоим убийствам, знал, кто-где-когда, — продолжил он

разговор. — Между жертвами отношения были? Семейные связи? Мог кто-то из родни заказать обоих?

— Маловероятно. Захаркин с Клешковым дружили в юности, но уже больше шестнадцати лет не общались. По бизнесу тоже никаких связей.

— Однако киллер откуда-то знал о планах своих жертв. И о дне рождения внука, и о любовном свидании. Персонал опросили? Кто-нибудь к ним подкатывал, интересовался?

— Все дружно отвечают, что вопросов никто не задавал. Но и с помощью простой слежки можно было подловить нужный момент. Август, время отпусков, больше половины домов в поселке пустует, при элементарных навыках перелезть через забор и забраться на крышу к соседям нетрудно даже подростку, а уж профессиональному киллеру и подавно. Это только хозяевам кажется, что битое стекло по верхнему краю стены может их защитить. А вор накинул брезент, и никакие осколки ему не препятствие.

— Да уж... А погода хороша, в сад охота выйти, даже когда по телефону говоришь. Прогуливаешься себе с трубкой в руках, предстоящие дела обсуждаешь — а с соседней крыши тебя слушают. А уж если стрелок прихватил с собой чувствительный микрофон, то мог слышать разговоры не только в саду, но и в доме с учетом распахнутых в солнечный сад дверей. Узнать, и когда запланирован праздник у внука, и когда встреча с любовницей намечается... Камеры на доме, с которого стреляли, есть? Проверили?

— Обижаешь.